

тилъ бы расходы, разогналъ бы лишнюю и ни на что ненужную дворню, которая только даромъ хлѣбъ ѣсть, прекратилъ бы эти дорого стоящія и не дающія никакихъ доходовъ запашки и сдать бы землю въ аренду крестьянамъ по 20 руб. десятина. Крестьяне теперь сильно нуждаются въ землѣ; надѣлы недостаточны, вотъ и пользоваться случаемъ. Вѣдь это такъ ясно...

— Какъ божій день!—перебилъ его Діодоръ и снова захотѣлъ. — Ужъ на что ясный! Дери шкуру съ ближняго, да и шабашъ. Рѣжь его, коли самъ въ руки дается! Такъ, такъ! Одобряю! Покажи имъ, какъ новые люди съ новой точки зрѣнія, „по наукѣ“ дѣйствуютъ!..

Володя замолчалъ и насмѣшливо глядѣлъ на дядю. Когда Діодоръ кончилъ, онъ обратился къ нему и сказалъ сдержанно:

— Вы, кажется, Діодоръ Павловичъ (онъ никогда не называлъ его дядей), плохо поняли, о чемъ я говорилъ. Впрочемъ, это не мудрено, если принять во вниманіе ваше теперешнее состояніе...

— Это, т.-е., что я пьянъ-то? Ха-ха-ха!—расхохотался Діодоръ. — Это вѣрно, я пьянъ. Но это все-таки не мѣшаетъ мнѣ понимать васъ, Владиміръ Антонычъ. Отлично я васъ понимаю... т.-е. насквозь! Понимаю и преклоняюсь... Дорогу, дорогу вамъ! Чтѣ такое предъ вами всѣ мы, отживающіе, съ своими вѣчными идеалами и исканіемъ правды? Сантименталы, юриды, утописты! Мы привыкли смотрѣть на человѣка какъ на такое существо, которое можетъ страдать, плакать, терзаться, и старались о томъ, чтобы страданій этихъ было какъ можно меньше. Изъ стараній нашихъ ничего не выходило: человѣкъ страдалъ по прежнему, а вмѣстѣ съ нимъ страдали и мы, несчастные маленькіе Фаусты. Что жъ, это правда; я не стыжусь сознаться въ томъ, что мы ничего не сдѣлали, но мы страдали искренно и надѣялись, что хоть будущее поколѣніе пойметъ насъ и не будетъ надъ нами смѣяться. Но пришли вы, люди новаго завѣта... Крѣпкіе, сильные, здоровые люди, и вы осыпали насъ насмѣшками и сказали: прочь съ дороги, негодные мечтатели!..

Въ это время дверь тихо скрипнула, и вошла Лена. Она тихонько прошла черезъ комнату, отворила балконную дверь и скрылась въ палисадникѣ.

— А вы, вѣроятно, недурно исполняли роль Любима Торцова, когда въ актеряхъ состояли?—спросилъ Володя насмѣшливо.

Ленѣ, сидѣвшей въ палисадникѣ, захотѣлось за эти слова дать брату пощечину, но Діодоръ не обратилъ на нихъ никакого вниманія.